

ванию невидимого внешне движения, совершающегося во всех мировых явлениях. Даже в неподвижных, застывших формах чудилось мне такое движение. Оно-то и создавало и поддерживало каждую форму. Наблюдая это движение, я как бы присутствовал при творческом про-

цессе: все, на что бы я ни взглянул, создавалось тут же, на моих глазах. Это невидимое движение, эту игру сил я назвал для себя “жестом”. Наконец я стал замечать, что это не просто движения, что они исполнены содержанием: в них есть и воля и чувства — разнообразные, глубокие

и волнующие. Через них, казалось мне, я проникал в самую сущность явлений <...>. Я стал искать “жесты” не только в природе, но и в произведениях искусства и поразились той ясности и силе, с которой они выступали мне навстречу из классических творений» [5, с. 262–263].

Список литературы

1. Вагнер Р. О дирижировании // Дирижерское исполнительство: Практика. История. Эстетика. — М.: Музыка, 1975.
2. Кон Ю. Г. О стиливой двойственности балета И. Стравинского «Агон» // Кон Ю. Г. Избранные статьи о музыкальном языке. — СПб.: Композитор, 1994. — С. 133.
3. Стравинский И. Ф. Диалоги. — Л.: Музыка, 1971.
4. Фрид Р. З. Темпоритм и кантилена: заметки к проблеме // Выбор и сочетание: Открытая форма: Сб. статей к 75-летию Ю. Г. Кона. — Петрозаводск-СПб: изд. Музфонда, 1995.
5. Чехов М. А. Литературное наследие в двух томах. Т. 1. — М.: Искусство, 1986.
6. Юнг К. Г. Архетип и символ. — М.: Ренессанс, 1991.

Olga SAIGUSHKINA

In Memory of the Teacher

Статья посвящена памяти профессора Флавия Васильевича Соколова (1920–2003). Он был известным музыкальным педагогом, пианистом, исследователем русского музыкального фольклора, педагогики и психологии. В Ленинградской консерватории он был проректором по научной работе (1967–1972), заведующим кафедрой музыкальной педагогики и психологии (1972–1981).

Ключевые слова: Профессор Ф. В. Соколов, Ленинградская консерватория, музыкальная педагогика и психология.

The article is devoted to the memory of Professor F. V. Sokolov (1920–2003). He was a noted musical pedagogue, pianist and researcher in Russian folklore, pedagogy and psychology. At the Leningrad Conservatory, he was Vice-Rector for research work (1967–1972), Head of the Department of musical pedagogy and psychology (1972–1981).

Key words: Professor F. V. Sokolov, Leningrad Conservatory, musical pedagogy and psychology.

Ольга САЙГУШКИНА

Памяти Учителя

5 апреля 2010 года исполнилось 90 лет со дня рождения Флавия Васильевича Соколова. Родные, друзья, ученики, коллеги попрощались с ним солнечным мартовским днем 2003 года. Свет этого весеннего дня каким-то непостижимым образом связался с воспоминаниями о нем — добром, мудром человеке, прошедшем через многие испытания и не утратившим веру в жизнь, людей, в дружбу, в волшебную силу искусства...

Флавий Васильевич родился в Новгородской области в семье священника. Довольно рано он ощутил тягу к музыке. Судьба была благосклонна к Соколову — он был принят в только что созданную тогда «группу особо одаренных детей», ставшую в скором времени Специальной музыкальной школой-десятилеткой. Имена наставников Флавия Васильевича — профессоров Ленинградской консерватории Л. В. Николаева, чья педагогика продолжила наиболее плодотворные тенденции русского пианизма, и его ученика К. Г. Шмидта, представителя великолепной плеяды выпускников «николаевской» школы, говорят сами

за себя. Война прервала консерваторскую жизнь Флавия Васильевича в классе Шмидта. Уже в июле 1941 года студент Соколов ушел добровольцем на фронт, провоевав два года в дивизии Народного ополчения. На Пулковских высотах он получил ранение глаза, которое потребовало длительного лечения и восстановления. Консерваторию Соколову довелось окончить лишь через несколько лет. Заслуги Ф. В. Соколова перед Родиной были отмечены медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией».

Хотя Флавий Васильевич виртуозно играл в консерваторские годы, а впоследствии всю жизнь поддерживал отличную пианистическую форму, он не ограничил себя только исполнительской деятельностью и вплотную занялся наукой, окончив аспирантуру Научно-исследовательского института театра и музыки (как назывался в то время Российский институт истории искусств). Тема защищенной им диссертации «Народные истоки русской фортепианной музыки конца XVIII века» не случайна. На

протяжении ряда лет Флавий Васильевич изучал русский музыкальный фольклор, опубликовав несколько сборников народных песен и ряд статей, описывающих и анализирующих собранный в экспедициях материал. Такие работы, как «Песни о крестьянских войнах и восстаниях» (1956), «Русские песни XVIII века. Песенник И. Д. Герстенберга и Ф. А. Дитмара (1958), «Русские народные песни Поволжья» (1959), «Былины Печоры и Зимнего берега» (1961), «Песни Печоры» (1963) дают представление о круге его исследовательских интересов. Эти сборники были созданы совместно с сотрудниками Института Русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР и опубликованы в издательстве Академии наук. Вкладом Флавия Васильевича в этой совместной работе были: составление, музыкальная редакция, в некоторых случаях — научные комментарии публикуемых текстов. Молодого ученого интересовали также и русские народные инструменты, что нашло отражение в изданиях сборника народных гусельных наигрышей «Гусли звончатые» (М., 1959) и очерка об оркестре русских народных инструментов им. В. В. Андреева, вышедшего отдельной книгой (Л., 1962). Любопытный аспект основного направления работы с русским музыкальным фольклором представляет собой статья «Муцио Клементи и русская народная песня», опубликованная в журнале «Советская музыка» (1961, № 1). Довольно продолжительное время Ф. В. Соколов заведовал также фондограммархивом в Институте Русской литературы, пополняя и систематизируя его фонды.

Творческая одаренность природы Флавия Васильевича проявлялась разносторонне. Так, в 1960–1964 годах им был осуществлен цикл из девяти радиопередач в жанре музыкально-литературных новелл. В 1965 году издательство «Музыка» опубликовало сборник «Пьесы на темы русских песен и плясок», в котором Флавий Васильевич выступил не только как составитель, редактор и автор вступительной статьи, но и автор фортепианных пьес собственного сочинения (Вариации на тему русской народной песни «Как у месяца», «Хоровод», «Плач о Пугачеве»). В 1966 году в том же издательстве выходят его «Полифонические обработки русских народных песен (восемь пьес)». И хотя деятельность в этом направлении не нашла активного продолжения, сам композиторский подход к материалу всегда давал музыканту новые импульсы в исполнительской и педагогической работе.

Параллельно научной деятельности Флавий Васильевич занимался фортепианной педагогикой. Сначала он вел класс специального фортепиано в Ленинградском Музыкальном училище им. М. П. Мусоргского, затем на протяжении трех десятилетий работал в Ленинградской консерватории. Начав преподавателем на кафедре специального фортепиано, впоследствии он стал доцентом, а потом и профессором кафедры истории и теории фортепианного искусства.

В 1967 году Ф. В. Соколов был назначен проректором по научной работе. За пять лет работы в этой должности Флавий Васильевич научился решать нелегкие научные и административные проблемы, использовал любые возможности, — иногда вопреки обстоятельствам или указаниям «свыше», чтобы принести пользу родной консерватории. Он помогал педагогам и студентам справляться с разнообразными профессиональными (а нередко и житейскими) трудностями. И при этом, несмотря на занятость, находил время совершенствоваться в педагогической и научной деятельности, с полной самоотдачей руководить работой аспирантов. В сложных ситуациях он всегда точно определял приоритеты, не терял ощущения



П. Серебряков, Б. Лысенко, Ф. Соколов. Конец 1960-х гг.

подлинных ценностей и, главное, неизменно сохранял отменное чувство юмора, что, несомненно, является признаком истинного ума.

По окончании работы в должности проректора профессору Ф. В. Соколову было предложено возглавить вновь созданную кафедру музыкальной педагогики и методики. В период его руководства кафедрой с 1972 по 1981 годы был осуществлен проект углубленной специализации студентов и аспирантов по педагогической проблематике. Помимо обычных лекций по методике и занятии по педагогической практике (которые вел Ф. В. Соколов и его коллеги по кафедре), для студентов и аспирантов читались лекции по музыкальной психологии (А. Л. Готсдинер) и вузовской музыкальной педагогике (Ф. В. Соколов). Возможно, эти курсы не были идеально выстроены и выверены. Но всякое новое дело, особенно в давно сложившейся системе музыкального образования, требует немалого времени для своего осуществления. К сожалению, впоследствии это начинание не нашло продолжения, и курсы педагогики и психологии в нашем вузе опять стали общими. В настоящее время изыскивается возможность восстановить специализацию этих предметов.

Много времени и сил Флавий Васильевич посвящал изучению педагогики и психологии, начатому еще в конце 60-х годов, о чем свидетельствует его обширный архив: картотеки, выписки, наброски статей. Одним из итогов этих занятий стал перевод с английского, комментарии и вступительная статья к книге Л. Маккиннон «Игра наизусть», вышедшей в ленинградском издательстве «Музыка» в 1967 году. В 2006 году эта книга вновь увидела свет в московском издательстве «Классика-XXI». Как видно из развернутой вступительной статьи, Флавий

Васильевич был очень увлечен проблемами, затронутыми в этой книге. Он не ограничился переводом текста, комментариями и представлением автора книги российскому читателю, но показал остроту стоящей перед исследователями и музыкантами-практиками проблемы, дал краткий и емкий обзор работ, посвященных теме музыкальной памяти, оценив научный вклад авторов и перспективность направления их исследований. Ф. В. Соколов отметил, что вопросы, связанные именно с музыкальной памятью, интересуют не только музыкантов, но и «смежников» — психологов, медиков. Именно в этих областях знания появился ряд интересных статей и исследований о воспроизведении и запоминании музыки, о памяти на абсолютную высоту звуков (абсолютный слух), о соотношении музыкальной памяти узнавания и воспроизведения, о музыкальных представлениях. В целом, на тот период времени насчитывалось более 70 статей, в основном, в немецкой, английской, французской и американской научной периодике, освещавших эти вопросы. Таким образом, книга Л. Маккиннон была представлена в исторической перспективе, обрела широкий научный контекст. Тремя годами позже в сборнике «Вопросы исполнительства» (М., 1970, выпуск 6) была также опубликована собственная работа Ф. В. Соколова «О музыкальной памяти пианистов-исполнителей». В ней шел подробный разговор о процессах произвольного и произвольного запоминания, рассматривались особенности и преимущества каждого из этих методов, предлагались рекомендации по оптимизации процесса работы, обсуждались различные способы выучивания музыкального произведения наизусть.

На кафедре музыкальной педагогики и методики в те годы было много аспирантов, занимавшихся у разных научных руководителей. Флавий Васильевич на моей памяти в период заведования кафедрой работал, как минимум, с семью исследованиями своих аспирантов и соискателей. Жизнь у них сложилась по-разному: кто-то из аспирантов защитился под руководством Ф. В. Соколова по специальности «музыкальное искусство», кто-то перешел в другую специальность и «остепенился» уже под началом другого руководителя, кто-то с готовой работой уехал, так и не защитившись. Но факт остается фактом: все получали от своего наставника максимум времени и внимания — столько, сколько могли вместить. Нередко к Флавию Васильевичу обращались за советом аспиранты других кафедр и других специальностей. Он никогда не отказывал в помощи, так как отличался по-юношески ненасытным интересом к профессиональному общению и решению разнообразных научных задач.

Мое знакомство с Флавием Васильевичем состоялось в 1974 году, когда я поступила в аспирантуру. Долгие годы доверительного и дружеского общения с педагогом научили меня очень многому. Один из главных уроков жизни я получила, видя то необыкновенное мужество, которое проявил Флавий Васильевич в борьбе со страшной бедой — постигшей его слепотой. Уже в середине 70-х годов проблемы со зрением усугубились, и я стала свидетелем переживаний, глубокого отчаяния, а затем полного преодоления депрессивных настроений, возрождения сильного духом человека, сумевшего выстроить абсолютно новую жизненную стратегию. Флавий Васильевич восстановил все виды деятельности, которые он любил и в которых нуждался профессионально и человечески.

Он много играл на рояле, вспоминая старые и выучивая новые произведения по звукозаписи. Ряд произведений, особенно из детского репертуара, которые ему хотелось восстановить в памяти, я сыграла и записала по

его просьбе на магнитофон. Он выступал как пианист с публичными концертами в разных Обществах. Работал с аспирантами, воспроизводя по памяти, обсуждая и редактируя чужой текст целыми страницами; при этом держал в уме и запоминал множество получаемой в устной форме научной информации. Диссертации аспирантов — общий план и конкретные подробности, вплоть до точных формулировок, помнил лучше, чем сами авторы. Его память, способность мыслить и выстраивать материал огромными блоками без помощи текста просто поражали воображение.

Эти блестящие качества ума он сохранял до конца своих дней. Он слушал пластинки, радио- и телепередачи, пользовался аудиокнигами, делясь с учениками всем тем интересным, что удавалось добыть, заражая нас своим молодым энтузиазмом. Флавий Васильевич был человеком, с которым можно было поговорить решительно обо всем. Особенно он любил древних философов, читал их труды, собрал солидную библиотеку выдающихся мыслителей древности.

Запомнились слова Флавия Васильевича о том, что теперь он на слух абсолютно безошибочно различает, где правда, а где — нет, где искренность, а где — не слишком, где дружелюбие, а где — только видимость. Он очень любил и ценил моменты общения с природой. На наших совместных прогулках он кормил с руки синиц и часто разговаривал с кошками, когда я говорила, что они тут рядом; причем те отвечали ему мяуканьем, интонируемым на разные лады, что звучало как настоящий диалог...

Последние годы жизни Флавий Васильевич активно занимался детской фортепианной педагогикой, отмечая, что теперь, опираясь только на слух, отбросив штампы и много размышляя, он понял многое из того, что было скрыто от него раньше. Одно из направлений этой работы — обучение импровизации и развитие творческих навыков ребенка. Краткий систематизированный курс из 16 уроков был надиктован им на магнитофон; с изложением своей методики он выступал в системе повышения квалификации перед педагогами детских музыкальных школ. Его вдова, Р. М. Соколова, сама преподаватель фортепиано, расшифровала магнитофонные записи, издав их небольшим тиражом. Этим трудом заинтересовалось издательство «Композитор» и в 2009 году выпустило книгу под названием «Музыкальный конструктор. Пособие по развитию музыкального творчества детей». Замечая, что современная музыкальная педагогика уделяет слишком большое внимание репродуктивной деятельности юного музыканта, Флавий Васильевич, опытный педагог и творческий человек, предложил свою — простую и логичную систему обучения навыкам сочинения мелодий и их гармонизации. «Docendo discimus» («Обучая — учимся») — в этом подзаголовке словами древних Флавий Васильевича подчеркнул, что его пособие выросло постепенно, в ходе практических занятий.

У Флавия Васильевича был очень широкий круг общения, множество друзей по всему миру. Он обладал еще одним, может быть, главным талантом — любить людей, поддерживать дружеские связи, выстраивать долгую непрерывающуюся линию душевного контакта. Флавий Васильевич любил жизнь во всех ее проявлениях и щедро делился с близкими ему людьми своим богатым духовным опытом. Его жизненные установки, беседы с ним, запомнившиеся ситуации, любимые выражения и сегодня помогают нам — его ученикам и друзьям, настраивают на нужный лад, наполняют чувством благодарности.